

Психологія русскаго раскола.

Есть двѣ Россіи: одна—Россія *видимостей*, громада внѣшнихъ формъ съ правильными очертаніями, ласкающими глазъ; съ событіями, опредѣленно начавшимися, опредѣлительно оканчивающимися,—«Имперія», исторію которой «изображалъ» Карамзинъ, «разрабатывалъ» Соловьевъ, законы которой кодифицировалъ Сперанскій. И есть другая—«Святая Русь», «матушка Русь», которой законовъ никто не знаетъ, съ неясными формами, неопредѣленными теченіями, конецъ которыхъ не предвидимъ, начало безвѣстно: Россія *существенностей*, живой крови, непочатой вѣры, гдѣ каждый фактъ держится не искусственнымъ сдѣланіемъ съ другимъ, но силой собственнаго бытія, въ него вложеннаго. На эту потаенную, прикрытую первую, Русь—взглянули Буслаевъ, Тихонравовъ и еще рядъ людей, имена которыхъ не имѣютъ никакой «знаменитости», но которые всѣ обладали даромъ внутренняго глубокаго зрѣнія. Къ ея явленіямъ принадлежитъ расколъ.

Въ немъ ясны два теченія, точнѣе—есть двѣ школы: «буквеники», охранители «древляго» благочестія, возстановители цѣлостной «старинны»—школа *консервативная*, и искатели новой *святости*, «духоборцы»—школа *существеннымъ образомъ творческая*, движущаяся. Къ первой принадлежатъ два обширные толка, «поповщинскій» и «безпоповщинскій», съ Рогожскимъ и Преображенскимъ кладбищами во главѣ; ихъ центръ—въ Москвѣ; требованія и протесты ихъ выражены въ обширной литературѣ; они почти не таятся въ средѣ народной, въ составѣ государственномъ. Численностью, въ 50-хъ годахъ этого вѣка, они достигали, по официальнымъ свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (*Дипранди*: «Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи ересей и расколовъ», 1853 г.)—девяти милліоновъ. Вторую школу образуютъ безчисленные мелкія

секты—молоканы, бѣгунны, хлысты, монтаны и другіе. Они не имѣютъ столь сосредоточенныхъ центровъ; численность ихъ гораздо менѣе значительна, литература менѣе обильна, и тѣмъ отличается отъ «старовѣрческой», что менѣе критикуетъ чужое, болѣе утверждаетъ свое; всѣ они таятся, и нѣкоторые, какъ хлысты, запрещаютъ вовсе излагать письменно ученіе свое, между прочимъ по соображенію, что закрѣпленное буквой становится менѣе живо («буква мертвить»). Всѣ эти секты образовались изъ безпоповщины, и, кажется, именно потому, что, лишенные «поповъ», имѣя только «наставниковъ», они вообще лишены были твердаго, опредѣленнаго, каноническаго руководства, и уже естественно оторвались отъ Православія въ безбрежную даль отрицаній и новаго созиданія.

Намъ хотѣлось-бы сдѣлать на этихъ страницахъ попытку выясненія психологіи обѣихъ школъ—ихъ «логики спасенія», такъ сказать.

I. Старообрядчество.

I.

Расколъ, и именно расколъ старообрядчества, есть не только не менѣе, но и гораздо болѣе значительное явленіе, чѣмъ поднятая Лютеромъ реформація. «*Suius regio—ejus religio*», «какого государя ты подданный, того государя и вѣру ты исповѣдуешь»—это рѣшеніе Аугсбургскаго сейма 1555 года, на которомъ протестантская половина Германіи помирилась съ католическою, не только удивительно, но и ужасающе въ своей поверхностности, жестокости: человекъ совершенно пренебреженъ, если онъ не король, не богословъ; онъ принуждаемъ самими протестантами быть «подданнымъ» не въ дѣлахъ только политическихъ, но и въ религіозной вѣрѣ. Съ какимъ страхомъ, съ какимъ основательнымъ пренебреженіемъ посмотрѣли бы наши старовѣры на западныя исповѣданія, если бы они поняли ихъ и знали ихъ исторію. Насколько народное глубже общественнаго, созиданіе выше разрушенія, вѣра прочнѣе скепсиса, настолько движеніе нашего раскола глубже, во всякомъ случаѣ, серьезнѣе реформаціи.

Все въ этомъ движеніи замѣчательно, и даже то, что оно началось «съ мелочей»: расколъ старообрядчества обнимаетъ собою людей, не имѣющихъ никакого сомнѣнія въ истинности всей полноты христіанства и всего переданнаго церковью; для нихъ безсмертіе души, бытіе Божіе—не «отвлеченные вопросы», какъ для множества изъ насъ: для нихъ это вѣчныя рѣшенія, въ трепетѣ выслушанныя, съ трепетомъ принятыя. Можно сказать, раскольники—это послѣдніе вѣрующіе на землѣ, это—самые непоколебимые, самые полные изъ вѣрующихъ. Для нихъ вопросъ можетъ быть о томъ только, писать ли имя Христа: «Исусъ» или «Іисусъ», ходить

ли около престола вправо или влѣво, слагая крестъ—знаменовати Троицу или двѣ ипостаси въ Спасителѣ. «Мы еще не рѣшили вопросъ о Богѣ, а вы хотите ѣсть», говорилъ Тургеневу Бѣлинскій, и Тургеневъ удивленно комментировалъ: «какой это былъ идеалистъ!». «Грановскій любилъ, оставаясь наединѣ со мною, затрогивать въ разговорѣ религіозные вопросы: моя твердость въ вѣрѣ видимо нравилась ему и даже его трогала», рассказываетъ С. М. Соловьевъ въ своихъ «Запискахъ». И они всѣ умерли по метрикѣ «православными» и по православному были погребены; они, конечно, «служили», какъ православные. Не таковъ расколъ: вы прибавляете іоту къ святому имени Іисуса, когда Онъ сказалъ: *«истинно, истинно говорю вамъ, небо и земля прейдутъ, а слова Мои не прейдутъ!»* Имъ говорятъ: «это—все равно». Но чтобы показать, что это «не все равно», они идутъ... не въ великолѣпные ауто-да-фе, для любованія народнаго, для памяти исторіи, — нѣтъ, въ архангельскихъ сугробахъ они уходятъ въ дѣсь, въ болото, и горять въ срубахъ, съ вѣрою: «небо и земля прейдутъ, но слово *Ею* не преидеть».

И переходятъ земля и небо, а они не поддаются въ «іотѣ»...

Нѣтъ, это—явленіе страшное, это—явленіе грозное, удивительное явленіе нашей исторіи. Если на всемірномъ судѣ русскіе будутъ когда-нибудь спрошены: «во что же вы вѣрили, отъ чего вы никогда не отреклись, чему всѣмъ пожертвовали?» — быть-можетъ, очень смутясь, попробовавъ указать на реформу Петра, на «просвѣщеніе», то и другое еще, они найдутся въ концѣ концовъ вынужденными указать на расколъ: «вотъ нѣкоторая часть насъ вѣрила, не предала, пожертвовала»...

II.

Чему? По составу церковнаго ученія, которое мы исповѣдуемъ и отъ котораго отречься не можемъ, да и не хотимъ,—зablужденію. Вотъ гдѣ тайна, гдѣ узелъ вопроса. Люди неизмѣримо лучшіе насъ, въ дѣлѣ неизмѣримой цѣнности, черезъ рвеніе сохранить въ немъ іоту—отпали отъ насъ, эту іоту нарушившихъ въ ихъ глазахъ. Они отвергли вовсе насъ и съ нами все наше вѣроученіе, а оно для насъ истинно. Если мы, признавъ все это, всѣ эти споры—«несущественными», уступимъ имъ, какъ отчасти сдѣлали, непослѣдовательно и не искренно, въ такъ называемомъ «единовѣрїи», мы только еще больше, еще глубже упадемъ въ ихъ глазахъ, станемъ совершенно въ ихъ глазахъ презрѣнными. Соединенія никакого не произойдетъ: они останутся тѣмъ, чѣмъ были,—съ «іотой» и негодую на насъ именно за уступчивость еще гораздо страстнѣе, чѣмъ негодуютъ теперь.

Признать ихъ равнозначущими съ протестантами и католи-

ками—значить признать ихъ для себя внѣшними, чего еще нѣтъ; значить собственныхъ дѣтей своихъ оторвать отъ своей груди и понять вдругъ, какъ чужихъ, какъ постороннихъ, какъ пришельцевъ. Это слишкомъ ужасно, это — чрезмѣрное горе, которое мы отодвигаемъ.

Повѣримъ ли мы, что нѣсколько милліоновъ людей гонятся за вѣру безъ основанія, гонятся за вѣру землею, которая за вѣру никого не гонитъ? Но страшный фактъ совершился: дѣти наши, лучшія наши дѣти возстали и отпали отъ насъ, и мы не вѣримъ, чтобы это было окончательно. Замѣчательно: втайнѣ преслѣдуя расколъ, официальная власть по внѣшности игнорируетъ его; она затаниваетъ фактъ значительнѣйшій, чѣмъ реформація — въ кучу дѣлъ одного изъ департаментовъ. Она себя обманываетъ, она говоритъ всѣмъ наружу: «нѣтъ дѣла, такъ — маленькое, въ пукѣ бумагъ такого-то департамента», хотя всѣ ясно понимаютъ, что это «дѣло» объемистѣе 12-го года. Но тамъ наша слава, тамъ — наша мощь; здѣсь—бѣдствіе, домашняя рана, которую мы залечить не умѣемъ; что-то въ родѣ вопроса о законнорожденности, о вѣнчаніи безъ свидѣтелей, котораго, быть можетъ, и вовсе не было: семейная тайна, которую признать формально мы не можемъ и пугливо прячемъ отъ публики позорную метрику.

Мы все еще ожидаемъ, что рана какъ-нибудь залечится; чудомъ, цѣлящими силами организма, смиреніемъ *ихъ*, благоразуміемъ *насъ*—кто знаетъ, кто можетъ предвидѣть историческія судьбы? Но ее вскрыть передъ позорищемъ свѣта, ее признать незалечимою и окончательно установившеюся — мы не можемъ, — и пусть будетъ оказано этой немощи нѣкоторое милосердіе.

III.

Замѣчено, что всюду, гдѣ дѣти раскольниковъ посѣщаютъ общую школу, они сливаются съ православною средою, перестаютъ быть «раскольниками». Не нужно обманываться этимъ, — нужно этотъ фактъ понимать точно: нельзя предположить, чтобы пройдя двухклассное министерское училище, дѣти получали развитіе болѣе высокое и гибкое, чтобы они становились «просвѣщеннѣе», нежели, напр., братья Денисовы, авторы знаменитыхъ *Поморскихъ отвѣтовъ*. Съ тѣмъ вмѣстѣ они оставляютъ расколъ безъ всякихъ собственно церковныхъ споровъ, безъ обсуждения особенностей, раздѣляющихъ церкви до-Никоновскую отъ послѣ-Никоновской. Повторяемъ, этотъ фактъ нужно понимать точно: они теряютъ вкусъ къ «ютѣ», теряютъ ея пониманіе, для нихъ тускла становится страница, на которой мелькаютъ эти «юты» и глухъ смыслъ всей книги. Они входятъ въ ту психическую атмосферу, въ которой живемъ мы—мы, для которыхъ все это—«нѣсколько отвлеченно».

Между тѣмъ какъ школа безъ споровъ «преодоливаетъ» расколъ, споры самыя упорныя противъ него и со стороны самыхъ компетентныхъ людей никогда и ни къ чему до сихъ поръ не приводили, кромѣ единичныхъ обращеній. Причина этого кроется въ различіи, такъ сказать, самыхъ *методовъ умствования* раскола — съ одной стороны, господствующей церкви—съ другой. Какъ и всякая церковь, даже всякое ученіе христіанское, православіе и расколъ имѣютъ равно задачею своею спасеніе души, угожденіе Богу. Но въ то время, какъ церковь ищетъ *правиль* спасенія, расколъ ищетъ *типа* спасенія. Первая анализируетъ; она размышляетъ, учитъ; она выводитъ, умозаключаетъ; она говоритъ: вотъ *это* спасаетъ, вотъ *чѣмъ* оправдались передъ Богомъ св. Сергій, св. Алексій, Петръ, Иона, остальное въ ихъ дѣятельности не существенно и къ спасенію не имѣетъ отношенія. Она, такимъ образомъ, отдѣляетъ частное, личное; отбрасываетъ подробности, къ своему времени относившіяся, и оставляетъ въ составѣ своего ученія и своихъ требованій отъ христіанина одно общее; какъ средства спасенія—она предлагаетъ посты, молитвы, канонически правильныя книги и притомъ лучшей редакціи, критически провѣренныя. Расколъ, этотъ «грубый» расколъ, который нерѣдко намъ представляется послѣднею степенію «невѣжества», дѣйствуетъ по закону художественнаго сужденія: къ чудному, святому акту спасенія, къ этому акту, въ которомъ мы такъ мало понимаемъ, которое устраиваетъ Богъ, — а ужъ несомнѣнно актъ этотъ былъ данъ святымъ, объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ мощи и чудеса и видѣнія,—какъ подойти съ умственнымъ анализомъ? какъ его расчленить и сказать: вотъ *это* было существенно, необходимо для спасенія, а *то*, другое—побочно и достойно забвенія. Раскольники не отдѣляютъ святости отъ святого человѣка; они какъ бы снимаютъ маску съ драгоценныхъ его мощей, точнѣе—со всей его живой личности, во всей полнотѣ его дѣятельности и мышленія, въ его молитвахъ вотъ по этимъ книгамъ, въ его пощеніи вотъ въ эти дни, въ его хожденіи вотъ такъ, въ манерѣ говорить, думать, поучать, — и усиливаются себя, свою душу, свою дѣятельность влить въ полученную такимъ образомъ форму. *Типиконъ* спасенія — вотъ тайна раскола, нервъ его жизни, его мучительная жажда, въ отличіе отъ *summa regium*, которою руководится наша, да и всякая, впрочемъ, церковь. Расколъ полонъ живого, личнаго, художественнаго; онъ полонъ образа Алексія Божія человѣка, а не размышленій о поведеніи и способѣ, какими спасся Алексій Божій человѣкъ; его основное чувство — восхищеніе, любованіе, такъ сказать мотивъ зрительный и нисколько не теоретически выведенный. Отсюда кажущаяся столь «тупою» забота раскола о «подробностяхъ»; вѣчное его усиліе—повторить, воспроизвести; требованіе удержать ранѣе бывшее; его поиски буквъ, способовъ движенія, символовъ, знаковъ; обобщая, скажемъ:

забота спасти неразрушеннымъ образъ святого житія, уже человѣкомъ испытанный и Богомъ благословенный. Извѣстно, что мало-помалу расколъ дошелъ до величайшихъ отрицаній, до отверженія священства, таинствъ, полной вѣтовщины, и это въ вѣчныхъ усиліяхъ найти древнее, правильное, цѣлостное христіанство. Это мы должны понимать, какъ чисто художественные въ основѣ и въ то же время полные святого чувства гнѣвные порывы истребить всякую найденную форму спасенія, если въ ней сомнительна хоть одна черта, не вѣрна, не достаточно древня, не точно удостовѣрена, — нѣчто подобное тому, какъ мы рвемъ цѣлую страницу, видя въ ней неправильно написанное слово, или какъ скульпторъ разбираетъ статую, видя дурно сдѣланную въ ней подробность. Во всякомъ случаѣ чувство цѣльности, образности въ высшей степени присутствовало при этихъ бурныхъ взрывахъ, которые лежали въ основѣ раскольничьихъ трансформаций. Расколъ полонъ глухого отчаянія: безъ «іоты» такъ же нельзя спастись, какъ и безъ цѣлой книги; безъ цѣльной формы житія древнихъ подвижниковъ, съ этими осколками утраченныхъ формъ ихъ житій, съ рознятыми на части и полурастерянными элементами ихъ несомнѣннаго спасенія — какъ прійти къ Богу, какъ уберечь себя въ мірѣ?

Отсюда не только безуспѣшны, но и такъ раздражительно дѣйствуютъ даже на посторонняго споры и «собесѣдованія» съ ними, какъ въ дни текущія, такъ и въ древніе, начиная съ знаменитаго спора въ Грановитой палатѣ, передъ царевной Софьей. Ясно для всякаго наблюдающаго, что здѣсь въ спорѣ что-то не условлено, не оговорено, что тяжущіяся стороны лишены общей почвы и, какъ я сказалъ, не имѣютъ одного «умоначертанія». Раскольники начинаютъ споръ уже съ апріорнымъ чувствомъ вражды и насмѣшки надъ хотящими ихъ увѣщевать; они приходятъ вовсе не затѣмъ, чтобы убѣдиться: узнать; они не хотятъ разсуждать — они хотятъ сами не столько убѣдить, сколько оскорбить этого «щепотника», который такъ хорошо *развиваетъ* свои «доводы» и между тѣмъ самъ такъ *не положъ* ни на св. Алексѣя, ни на св. Петра. Іону, другихъ... который оскорбляетъ ихъ самымъ *видомъ* своимъ и раздражаетъ ихъ воображеніе, всѣ имъ понятные способы мышленія самымъ методомъ сужденій своего грѣховнаго и слабого ума, съ которымъ онъ думаетъ вознестись надъ праведными ликами и въ нихъ побѣдить любовь къ этимъ ликамъ.

IV.

Но если бесплодны эти споры, эти умствованія, почва которыхъ неощутима для раскольниковъ, сила которыхъ для нихъ недействительна, то есть иной и болѣе вѣрный путь залечить разверзшуюся рану въ народномъ и церковномъ тѣлѣ нашемъ. Вспомнимъ слова

Моисея, сказанныя Богу, готовому проклясть народъ, плясавшій передъ тельцомъ сейчасъ послѣ того, какъ ему даны были скрижали Заветъ: «*Господи, если ихъ проклянешь, и меня прокляни, ибо не хочу раздѣляться съ народомъ моимъ*». Если, съ нашей точки зрѣнія, раскольники канонически и заблуждаются, *мотивъ* ихъ блужданій даже и канонически правиленъ: желаніе ни въ чемъ, ни ради чего не отдѣляться отъ благочестивыхъ предковъ и въ будущей жизни имѣть часть общую съ ними, а въ здѣшней перенести все, что перенесли они. Любовь завитая въ этомъ движеніи, это чувство восхищенія, этотъ порывъ воспроизвести, повторить—правильны и почтенны. Ихъ недоверіе къ умственнымъ выводамъ имѣетъ также за себя многія основанія: мы начали сопоставленіемъ нашего раскола съ протестантизмомъ: весь проникнутый «интеллигентностью», протестантизмъ черезъ три вѣка дошелъ до совершеннаго почти отрицанія христіанства; самые высокіе, самые благородные умы въ немъ, какъ Неандеръ, не находя точки, гдѣ могъ бы остановиться ихъ умственный анализъ, впадаютъ въ безбрежный скептицизмъ, въ неясно выраженный, но глубоко и мучительно чувствуемый атеизмъ. Все христіанство становится для нихъ предметомъ археологической любознательности; это—древность, которую они разсматриваютъ съ любопытствомъ Діонисія Галикарнасскаго или съ авторитетомъ Нибура. Расколъ всю эту древность, все множество ея подробностей, «мелочей», ощущаетъ какъ совершенно живую, какъ продолжающую существовать еще и въ наши дни, даже какъ единственную истинную реальность, къ которой не ошибаясь мы можемъ привязать свое сердце, приковать свое вниманіе. «Новый годъ начинается съ 1-го сентября; 1-го сентября міръ былъ созданъ, *когда уже яблоки были постывшими*, отъ чего и Ева соблазнила Адама поспѣлымъ яблокомъ» (*Кельсеузъ*, I, 75)—этотъ выводъ, конечно, не имѣетъ никакой силы для нашего ума; но и многоученный Неандеръ позавидовалъ бы свѣжести чувства, которое бьется подъ этимъ выводомъ ума. И если бы его спросили: что же ближе къ христіанству, необъятная ли ученость, какою онъ обладаетъ, но подернутая смертью скепсиса, или это младенческое невѣдѣніе, исполненное жизни?—конечно, онъ отвѣтилъ бы: *оно*, эта не знающая *впра*, этотъ ошибающійся *порывъ*.

Именно силою анализа, которымъ обладаетъ наше богословіе, оно можетъ различить въ расколѣ невѣрное содержаніе отъ вѣрнаго метода, неправильность выводовъ отъ правильнаго мотива. Можно залечить нашу историческую рану не побѣдою, не «искорененіемъ» раскола, на что напрасно надѣяться—это показали два вѣка борьбы, — но вдумчивымъ отношеніемъ къ нему, признаніемъ той *почвы*, на которой онъ стоитъ, того *метода*, которымъ онъ руководится. Мы сами должны поддаться въ сторону древняго *титикона*, изъ фармъ котораго не можемъ ни выманить, ни выгнать раскола.

Сохраняя *все* ученіе своей церкви—*истинное* ученіе, *превосходящее* то, которое содержится въ расколѣ,—мы можемъ, на-ряду съ анализомъ, дать больше мѣста любованію, созерцанію, восхищенію, жаждѣ воспроизвести безъ поправокъ, безъ уместовавій, что все составляетъ методъ раскола. Во всемъ церковномъ бытѣ, въ укладѣ жизни общественной, въ порядкахъ жизни государственной не возможно приблизиться къ тому, что очевидно составляетъ мучительную жажду раскола: къ *цѣлостному* бытію, первый прообразъ котораго заключается въ священныхъ книгахъ Ветхаго завѣта, указующія правила—въ Евангеліи, нѣкоторое осуществленіе — въ древне-русской жизни или, по крайней мѣрѣ, въ томъ идеалѣ, который предносился передъ ея духовными очами и съ которымъ не имѣетъ ничего общаго тотъ, который предносится теперь предъ нашими. Какъ только священна станетъ для насъ древность, священо подражаніе, расколъ оцутить у себя общую почву съ нами, онъ самъ поддастся въ своихъ мнѣніяхъ, уступить то, что мы основательно считаемъ въ немъ недѣльностью. Завяжется взаимное пониманіе; не раздражая, мы получимъ средство проникнуть въ глубь его ума; онъ почувствуетъ наши «доводы», когда перестанетъ негодовать на нашъ *видъ*.

Но пока мы немощны, доколѣ мы — пугливыя овцы, боящіяся всякаго отвыклаго шага, пусть наши братья не сѣтуютъ на то, что мы ихъ «гонимъ», не даемъ имъ «равноправности» одинаковой съ католиками, протестантами, даже съ муллами и ламами. Повторяемъ: дать имъ это — значить отсѣчь ихъ окончательно отъ своего тѣла, а мы хотимъ быть съ *ними*. Наконецъ, это значило бы и для себя потерять великія чаянія въ будущемъ, ибо *церковный соборъ* есть только отодвигаемое, но сохраняемое средство исцѣленія для нихъ и насъ, а, «расколовшись» окончательно, мы потеряли бы главный мотивъ для него, мы, вѣроятно, уже никогда бы не «собрались». Итакъ, хоть отрицательно, хоть въ мучительныхъ «гоненіяхъ» и «преслѣдованіяхъ», мы еще продолжаемъ хранить съ раскольниками цѣлительную связь; мы ихъ берегаемъ для «святой» древней Руси, мы себя прикрѣпляемъ къ этой древней Руси.

II. Духоборчество.

I.

Уже въ началѣ XVIII вѣка св. Димитрій Ростовскій въ *Розыскѣ о Брянской вѣрѣ* записалъ такое странное толкованіе Евангелія нѣкоторую часть имъ наблюдавшихся раскольниковъ: они говорили, напр., что въ извѣстномъ разсказѣ о бесѣдѣ Спасителя съ самарянской «*дѣла*» не было, а притча есть. Самарянскія — это душа человѣческая, кладезь — крещеніе, вода жива — духъ святой, пять

мужей—пятеры книги Моисеевы. «Лазарево воскресенъе не было-де «въ дѣлѣ» (*т. е. какъ факта его не было*), но притча есть. «Лазарь-бо боляй, толкуется: умъ нашъ, немощію человѣческою побѣждаемый. Смерть Лазарева—грѣхи. Сестры Лазаревы—плоть и душа; плоть—Марѳа, душа—Марія. Гробъ—житейскія попеченія. Камень на гробъ—окамененъе сердечное. Обвязанъ Лазарь укроями—пленницами духовными умъ связанный. Воскресеніе Лазарево—покаяніе отъ грѣховъ».

Вдумаемся въ этотъ отрывокъ, и мы замѣтимъ въ немъ поворотъ духовный, діаметрально противоположный направленію, въ которомъ шли «буквенники». Факты, въ Евангеліи переданные—исторія спасенія рода человѣческаго, тамъ записанная,—какъ бы блѣднѣютъ здѣсь, затуманиваются передъ духовнымъ взоромъ читающихъ; искупленіе, какъ совершившійся фактъ, какъ твердая опора *позади* насъ, изъ которой мы *исходимъ*, на *основаніи* которой индивидуально каждый изъ насъ спасается, — не ярко ощущается; пройдетъ немного времени, еще поколѣніе смѣнится, и станетъ возможно понимать это искупленіе какъ *задачу*, какъ *работу* духа, какъ фактъ *продолжающійся* теперь, *снискиваемый* собственными нашими усиліями. Что такое Евангеліе, какъ не посохъ, на который мы опираемся, бродя и *ища* этого спасенія? Это—собраніе небесныхъ глаголовъ, святыхъ строки, подъ которыми мы должны *разгадывать* подлинную мысль Савасоеа. Главное — *объектъ* спасенія, я самъ, моя грѣшная душа: объ этой овцѣ погибающей писано Евангеліе. Вниманіе отходитъ отъ писанной книги Божіей, оно скользитъ по ней какимъ то боковымъ разсѣяннымъ взглядомъ, и всею силою падаетъ внутрь другой, не писанной, а созданной, *вещной* книги Божіей — самого человѣка. Вотъ — загадка; вотъ — книга, которая испорчена первороднымъ грѣхомъ, въ которой истинное сплетено съ ложнымъ, святое съ лукавымъ, свѣтъ съ тьмою, и правильный текетъ которой нужно и предстоитъ возстановить при помощи писанной Божіей книги, гдѣ нѣтъ лукавства. Такимъ образомъ, задача послѣ-Никоніанскихъ временъ, понятая «старовѣрчествомъ» какъ задача спасенія древнихъ книгъ и обряда, древняго типа святости, — преобразившись и одухотворившись, выразилась здѣсь, какъ задача огромной внутренней работы. Въ слѣдующемъ духоборческомъ стихѣ ясно высказался этотъ разрывъ съ преданіемъ, это отпаденіе отъ буквы, неопредѣленность новыхъ наступившихъ блужданій:

Стечемся, братіе,
 Во храмъ *нерукотворный*.
 Поклонимся *духомъ*
 Истинному Богу.
 Онъ единъ услышать насъ,
 Явитъ вамъ спасеніе,

Проявить милость многу
 На свое твореніе.
 Вовопіемъ, братіе,
 Мы устами духа:
 Услыши насъ, Господи,
 Не затвори слуха!
Сотворивый разумомъ
Весь міръ, всю природу,
 Даруй намъ, рабамъ твоимъ,
 Вѣчную свободу.
 Да внемлемъ словамъ Твоимъ
 Разумнымъ слухомъ,
 И летимъ къ Тебѣ, Боже,
 Свободнымъ духомъ.
 Да ищемъ въ премудрости
 Мы Твоей познанья;
 Не лишъ рабовъ Твоихъ,
 Боже, упованья.

Въ этомъ стихѣ мы ясно чувствуемъ потерянную почву Православія, почву церковнаго строительства, уже имѣвшаго мѣсто семнадцатъ вѣковъ. Прекрасныя, благородныя усилія, которыя, мы ожидаемъ, оборвутся...

II.

Въ усиліяхъ, которыя человекъ дѣлаетъ къ спасенію, онъ *помогаетъ* дѣйствию надъ собою благодатныхъ силъ Божіихъ. Онъ долженъ *возбудить* въ себѣ эти душевныя теченія и искать для этого возбужденія *средствъ*, не пренебрегая даже физическими, если-бъ они нашлись; и, разъ возбужденныя, эти теченія движутся, какъ и благодатныя, *смишляваяся* съ ними, имъ *родственныя*, къ нимъ *близкія*. Вотъ точка отпавленія «*Божіихъ людей*», «*пророчествующихъ*», генетически связанныхъ съ покойными, созерцательными вѣтвями духоворчества, какъ *молоканство* ¹⁾, которое удержалось на первоначальной, неопредѣленно-общей ступени духоворческаго исканія. Самая узкая, но и вмѣстѣ страстно-глубокая вѣтвь духоворчества, порвавъ почти всякую связь съ христианствомъ и только обнимая имя Иисусово, бросилась въ головокружительную бездну новаго религіознаго созиданія. Она потеряла границу между человѣческимъ и Божескимъ; Богъ пересталъ быть для этихъ людей «*премірнымъ*» (терминъ отцовъ церкви Александрійской школы); Онъ приблизился, Онъ обнялъ духъ человѣчскій, встревоженный, взволнованный, и вотъ—«*пророчествующіе*». Слова Іонія: «и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь, излию отъ духа Моего на *всякую* плоть, и *прорекутъ сынове ваши*

¹⁾ Въ изслѣдованіяхъ, по порученію правительства сдѣланныхъ, не разъ указывается, что «*есть важная-то связь между хлыстовщиной и молоканствомъ*». Но это связь психологическая, а не фактическая.

и *двери*», они чувствуютъ — эти слова сбьлись, сбываются. Понятно слишкомъ, что наша завѣщанная древностью литургія, эта *фактическая* литургія, гдѣ все есть *установленное* дѣйствіе и каждое дѣйствіе есть воспоминаніе *бывшаго* факта, не могла бы ничего выразить у нихъ, перестала быть имъ нужною; также какъ перестали быть нужными и что-нибудь выражающими и формы нашей молитвы. Для насъ молитва есть *обращеніе* къ премірному Богу, это — моленіе, которое будетъ услышано или не услышано: мы остаемся при немъ пассивными или, по крайней мѣрѣ, въ страдательномъ положеніи; для нихъ — это *общеніе* съ Богомъ, это сліяніе силъ своихъ съ Божескими, нѣкоторое состояніе экстаза, исполненное движенія. Отсюда возникновеніе, естественное развитіе такъ называемыхъ «радѣній» — явленія столь невыразимо страннаго на нашъ взглядъ, у *Христовицны* (въ просторѣчїи называемой «хлыстовщиною»). Радѣніе — то же, что работа, трудъ, движеніе, въ религіозныхъ цѣляхъ совершаемое; «работа *Израилева*», какъ называютъ эти радѣнія сами «хлысты». Общины или «братства» хлыстовскія, очевидно чувствуя странность своего положенія среди Православія, какъ-бы смѣщенность свою съ его почвы, которую однако они продолжаютъ любить и чтить, называютъ себя «кораблями» — характерное названіе, выражающее чувство разобщенія съ моремъ остальныхъ людей, среди котораго они одиноки не столько въ вѣрѣ, сколько въ способахъ вѣрить, думать, уповать, молиться, въ самомъ *методѣ* спасенія. На такъ называемыхъ «корабельныхъ радѣніяхъ», т. е. *общихъ*, куда собирается все братство, всегда въ ночь передъ большимъ праздникомъ, нашимъ *православнымъ* праздникомъ, они послѣ торжественнаго ивнїя опять *нашего* православнаго канона: «*Богоотецъ* убо *Давидъ* предъ стннимъ ковчегомъ скакаше шрая; *людїи*-же *Божїи* святїи образъ *сбытіе* зряще, *веселимся* божественнѣ» (поется на Св. Пасхѣ) — уносятся въ вихрь головокружительной пляски. Удивительно наблюдать сочетаніе этихъ оборванныхъ кусковъ Православія съ потокомъ религіознаго конвульсіонерства, не имѣющаго ничего общаго ни съ одною христіанскою церковью, — эту память, которая лѣпится къ *своему прошлому, историческому*, и, очевидно, не въ силахъ была противостоять новымъ порывамъ. Въ длинныхъ и широкихъ бѣлыхъ рубашкахъ — символъ «убѣленныхъ» одеждъ, о которыхъ говорится въ XIV-й главѣ *Апокалипсиса*, — они прыгаютъ, трясутся, кружатся (неизмѣнно «по-солонь», какъ въ до-Никоновской церкви), кружатся то въ одиночку, то «всѣмъ кораблемъ», то образуя фигуру круга, то — креста, до изнеможенія, до полного упадка силъ, послѣ котораго «шатаются, какъ мухи». Безъ сомнѣнія, какъ всякое чувство въ насъ вызываетъ движеніе, такъ и обратно — движенія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, особенныя, могутъ если не зародить, то усилить уже имѣющееся чувство, уско-

рять его темпъ и, слѣдовательно, напряженность. Круженіе, какъ средство довести до величайшаго напряженія религиозно-вакхическій экстазъ, было, вѣроятно, постепенно найдено, «открыто» хлыстами и нисколько не было заимствовано ими отъ мало-извѣстныхъ древнихъ сектъ. Таковы были «галлы» и «корибанты», буквально — «головотрясы», въ позднюю греко-римскую эпоху; у римлянъ — коллегія жрецовъ «саліевъ», то есть «скакуновъ»; и еще равнѣ подобныя-же религиозныя пляски исполнялись въ древней Финикіи и Сиріи. Мы назвали это религиозно-вакхическимъ экстазомъ; дѣйствительно, родъ опьяненія испытывается ими при этомъ, какъ это простодушно выражается крестьянами-хлыстами: «то-то пивушко-то», говорятъ они послѣ радвія, и поясняютъ постороннимъ: «человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ». Если мы вспомнимъ, что сущность ученія «христовщины» есть аскетическое воздержаніе отъ мяса, вина и брачныхъ отношеній, мы слишкомъ поймемъ необходимость и какъ бы невольность этихъ психическихъ опьяненій. Связь ихъ собственно съ «пророчествомъ» ясна изъ того, что всякій, кому указываетъ наставникъ или кто самъ хочетъ *стать на святой кругъ*, то есть начать пророчествованіе передъ «кругомъ»¹⁾ братьевъ и сестеръ, предварительное непременно кружится, очевидно возбуждая себя. Приведемъ, для характеристики ихъ религиозныхъ представленій, слѣдующую пѣсню хлыстовъ-скопцовъ:

Царство, ты Царство, духовное Царство!
Во тебѣ во Царствѣ—благодать великая:
Праведные люди въ тебѣ пребываютъ.
Они въ тебѣ живутъ и не унываютъ,
На Святаго Духа крѣпко уповаютъ.

Въ томъ-ли во Царствѣ сады превеликіе;
Въ тѣхъ-ли во садахъ древа плодovitые.

Растите-жъ вы, древушки, и не засыхайте,
Бѣлыми цвѣточками всегда разцвѣтайте;
Вы цвѣты цвѣтите до Царства Небеснаго.
Будьте вы, древушки, первые во садѣ;
Будьте во главѣ во Царствѣ Небесномъ,
Будьте вы любимы Отцу и Сыну,
Отцу и Сыну и Святому Духу!

Кругъ, въ которомъ вертятся *Божіи люди*, они называютъ *вертоградомъ*, а составляющихъ его братьевъ и сестеръ—«верто-

¹⁾ То же, что «кругъ», «рада» у казаковъ; происхожденіе слова очевидно южно-русское. Можно высказать предположеніе, что какъ Кондратій Селивановъ, изобрѣтя скопческой актъ, сталъ «богомъ» у нѣкоторой части хлыстовъ, такъ Данила Филипповичъ былъ обожествленъ *всемою* сектой хлыстовъ собственно за изобрѣтеніе опьяняющаго круженія, положившаго начало ихъ сектѣ.

градными и садовыми *деревами*». Въ пѣснѣ образно представляютъ они себя и свое отношеніе къ Небесному царству.

III.

Духоборчество закончилось въ скопчествѣ — сектѣ, которая возникла въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка среди «хлыстовъ». Слишкомъ много сошлось теченій въ немъ, которыя всѣ подводили къ заключающейся въ этой сектѣ мысли, чтобы она могла не появиться позднѣе или ранѣе. И прежде всего — *возвеличеніе человека*: средоточеніе постоянныхъ восходящихъ и нисходящихъ религиозныхъ токовъ, вѣчно ожидающій на себя «изліянія св. Духа», предсказаннаго пророкомъ Іоилемъ и подтвержденнаго ап. Петромъ «всякой плоти въ послѣдніе дни», онъ могъ не только принять свои экстазы за подлинно бого-вдохновенные, но и почувствовать, что эта бого-вдохновенность течетъ изъ него самого, что онъ самъ есть источникъ Божескаго или близкаго къ Божескому. Отсюда странныя, невѣроятныя представленія, бродившія уже у Божіихъ людей еще въ серединѣ прошлаго вѣка. Сходясь, они испытывали силу духа другъ друга—не забудемъ, что это совершалось въ средѣ простаго крестьянства,—вотъ среди люднаго собранія, «корабля», раздается ударъ по лицу: окровавленный, «братъ» не только удерживается отъ отвѣта, но и подставляетъ «другую лавиту», исполняя точно слова Евангелія. Чѣмъ большее можетъ перенести *Божій человекъ* — тѣмъ болѣе полонъ онъ божественныхъ силъ. Сшибленный съ ногъ, слыша нестерпимую обиду въ словѣ, онъ молчитъ, чтобы на-завтра имѣть возможность гордо сказать обидчику: «Мой Богъ больше», то-есть *во мнѣ больше*, чѣмъ въ тебѣ, *Богъ*. Иногда это выражалось даже въ словахъ: «Я—больше *Богъ*».—«О, и куда же *твой* Богъ великъ!» говорила Селиванову, еще безвѣстному бродягѣ, одна «пророчица» хлыстовскаго «корабля», которая вступила съ нимъ въ родъ духовнаго состязанія и была побѣждена. Отсюда—необыкновенные знаки виѣшняго почитанія, какіе оказывали при встрѣчѣ другъ съ другомъ эти люди. «Братъ», встрѣчая гдѣ-нибудь «брата» или «сестру»,—если не было никого постороннихъ — крестился и клалъ земной поклонъ «передъ образомъ и подобіемъ Божіимъ». Представленіе о богоподобности человека было, такимъ образомъ, уже вполне развито въ средѣ «*Божіихъ людей*», откуда вышло скопчество; оно было вполне тамъ привычно: они всѣ были маленькіе «божки» и не были вовсе поражены, когда, затмевая ихъ, отмечая ихъ «пророковъ», среди ихъ поднялся «большой богъ», самъ «Спаситель Іисусъ Христосъ» ¹⁾.

¹⁾ Въ «Страдахъ» Селиванова (родъ автобіографіи) можно видѣть, до чего скопческая мысль стала *тотчасъ понятна* хлыстамъ и *выѣсть испугала* ихъ,

Далѣ—идея аскетическая, собственно скопческій актъ. Та «вѣчная свобода», о «дарованіи» которой просятъ духоборцы въ приведенномъ выше стихѣ, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ свободы, которое употребляемъ мы. Ихъ «свобода» — это свобода духа отъ тѣлесныхъ узъ. Ради ея они «вертятся», и тогда душа воспаряетъ на крыльяхъ—они «пророчествуютъ»; но это—экстазъ, моментъ: онъ прошолъ, и душа снова въ узахъ тѣла. Естественно могла и должна была возникнуть мысль о *длительномъ средствѣ* освободиться отъ этой тягостной оболочки, отъ вѣчно язвющаго, кусающаго, *живого* грѣха, который мы носимъ въ своемъ тѣлѣ. И «радѣніе» — тоже физическое средство, уже найденное, могущественное, но только минутное. Вышнее искаженіе себя — оно близко, оно ходитъ около всякаго конвульсіонерства, если послѣднее есть средство, *усиліе* къ экстазу. Наконецъ, послѣдняя идея—вторично нужнаго и возможнаго «искупленія». Мы уже сказали, какъ блѣдно, слабо духоборцы ощущали всякій *фактъ* и ярко чувствовали *надежду*. Вслѣдствіе этого вся Библия и Евангеліе освѣтились для нихъ, какъ одно великое пророчество, какъ зовъ или какъ прообразъ внутреннихъ духовныхъ отношеній въ человѣкѣ: *не было* бесѣды Иисуса съ Самарянкою «въ дѣлѣ», *не было* шествія Иисуса въ Иерусалимъ, воскресенія Лазаря—были только «*притчи*». Итакъ, весь актъ искупленія, уже совершившійся, который они не смѣли отвергать, поблекъ для нихъ въ себѣ самомъ и отъ этого именно осыпался въ своихъ подробностяхъ. Имя Иисуса было постоянно на ихъ устахъ; всѣ собранія хлыстовъ открывались и до сихъ поръ открываются этою пѣснью:

Дай намъ, Господи, къ намъ
Иисуса Христа.

Отъ имени постоянно призываемаго Христа и, до извѣстной степени, отъ этой пѣсни, которой они придаютъ необыкновенный мистическій смыслъ ¹⁾, они получили самое имя «христовщины». Но это—именно Иисусъ, о которомъ они говорятъ къ Богу: «дай!» «дай!» — неизслѣдимо перенесшійся изъ прошлаго въ будущее: изъ факта въ ожиданіе: и это напряженное ожиданіе разрѣшилось.

до чего почувствовали они *беззащитность* свою противъ этого вывода изъ собственныхъ психологическихъ посылокъ: они хотѣли его убить, его—искалѣченнаго „молчанку“, донесли на него властямъ, и, въ то же время, провозгласили его „богомъ надъ богами, пророкомъ надъ пророками“.

¹⁾ Хлысты, равно какъ и скопцы, увѣревы, что эта пѣсня (довольно безсвязный наборъ словъ) есть *та самая* неповторимая ни для кого пѣсня, которую, по *Апокалипсису*, поютъ старцы передъ престоломъ Божиимъ; они увѣряютъ, что кромѣ самихъ хлыстовъ (и скопцовъ) этой пѣсни пропѣтъ, *какъ нужно*, никто не можетъ, и даже не можетъ всякій, уже вышедшій изъ ихъ секты.

IV.

Бракъ есть не только таинство, но величайшее изъ таинствъ: рождаея, умирая и наконецъ вступаая въ брачную, то-есть глубочайшую связь съ человѣкомъ и человѣчествомъ, каждый изъ насъ подходитъ къ краю индивидуальнаго бытія своего, онъ стоитъ на берегу неизслѣдимыхъ основаній личнаго своего существованія, понять которыхъ никогда не можетъ и только инстинктивно, содрогаясь и благоговѣя, ищетъ освятить ихъ въ религіи. Вотъ почему не свята и не истинна всякая церковь, которая не понимаетъ этого акта именно какъ религіознаго таинства,—и, наоборотъ, религія, церковь, секта настолько открываетъ свою содержательность, насколько глубоко и проникновенно смотритъ на этотъ актъ. Скопчество, поэтому, есть отрицаніе всего священнаго: это есть другой полюсъ не только христіанства, но и всѣхъ религій. Нельзя достаточно отвергнуть, достаточно выразить отрицательныхъ чувствъ къ нему: все человѣчество, вся тварь Божія должны бы возстать на него и выбросить, какъ величайшее свое отрицаніе, какъ нѣкоторое *pefas*, одна мысль о которомъ приводитъ въ содроганіе. Оно должно быть сброшено именно какъ мысль, какъ представленіе, какъ возможность, и не только съ человѣка, но и со всякаго животнаго. Скопить — это ругаться надъ природой, и человѣкъ, какъ господинъ ея и покровитель, долженъ бы не только не допускать его въ себя, въ свой родъ, но и не допускать его ни до чего живого. Если вносимы были нѣкогда войны въ цѣляхъ уничтоженія невольничества, по простому чувству отвращенія къ нему, насколько болѣе основаній внести оружіе для освобожденія странъ отъ этого беззаконія (восточные евнухи), передъ которымъ рабство есть сама святость и человѣколюбіе.

Тѣмъ ужаснѣе, что между 60 ми годами прошлаго вѣка и 1832 г. оно разыгралось у насъ. Мы уже сказали, что оно представляетъ собою апогей духоборчества, что всѣ теченія въ «христовщинахъ» сошлись къ тому, чтобы произвести его. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ *Послания* основателя секты, изъ которыхъ ясно станеть, что собственно скопческій актъ только заканчиваетъ *общія* духоборческія настроенія? Замѣтимъ, что *плотьюю* онъ называетъ плотское вождѣніе, ясно разумѣя здѣсь не одинъ физиологическій процессъ, но всякое влеченіе къ красотѣ, все «придѣлающее» къ себѣ человѣка, а самое оскотленіе онъ называетъ *чистотой*.

...«Верите всѣ истиннаго Отца вашего крѣпость, чтобы ни малѣйшая не одолѣла васъ сладость грѣха. *Многіе* отъ пагубнаго вождѣленія *Учители учительства и Пророки пророчества, Угодники и Подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до Царства Небснаго*. Всѣ они лишились вѣчнаго блаженства, кото-

рое истинный вашъ Богъ Искупитель *общалъ* любящимъ его и соблюдающимъ чистоту и дѣвство. Ибо единые дѣственники предстоятъ у Престола Господня ¹⁾, а чистые сердцемъ зрятъ на Бога Отца лицомъ къ лицу ²⁾... Чистота же есть отъ всякихъ слабостей удаленіе, какъ-то: въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ клеветы и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія; словомъ чтобъ отъ всѣхъ пороковъ и слабостей сердца ваши были чисты и совѣсть ни въ чемъ не была-бы замарана. Имѣйте всегда передъ собой цѣломудріе; и оно состоитъ также не въ одномъ словѣ, но заключается въ немъ многое, а именно: дабы и умъ вашъ былъ отъ всего свободенъ и на всемъ непоколебимъ, во всякомъ случаѣ былъ-бы цѣль и здоровъ, — и ниже сердце свое занимать какою-либо видимою суетой, или умомъ и сердцемъ прилѣпляться къ тѣнному богатству, а равно и къ лѣпости... Преклоните головы и обратите сердечныя ваши очи внутрь себя, и уразумѣйте: *какая польза именоваться Христіаниномъ, а жить крайне нехристіански, отвергнуться отъ міра и потомъ наки міру подражать, и въ таковыхъ же слабостяхъ и неразумннн пребывать?* О, страшно о таковыхъ изрещи, и утробушка моя болитъ о всѣхъ грѣшныхъ, что черезъ нерадѣніе и слабость лишаются вѣчнаго блага и вѣчнаго царствія.. Предохраняю васъ отъ всѣхъ слабостей и лѣпости: отъ ней и въ прежнія времена многы тысячи праведныхъ душъ погибли, и великихъ Угодниковъ и Столпниковъ женская лѣпость свела въ муку вѣчную. Еще прежде говорилъ вамъ и нынѣ напоминаю: не судите другъ друга, а единъ судья у васъ Отецъ Искупитель; вы же между собой имѣйте любовь, совѣтъ и согласіе; плевель и клеветы другъ на друга не чините, а *каждо покрывайте своєю добродѣтелью. Ибо любовь многіе пороки покрываетъ* и на оной основана церковь Христова, а безъ любви постъ и молитва и прочіе подвиги ничто же есть. А посему призирайте

¹⁾ Намекъ на начало 14-й главы *Апокалипсиса*, вообще образующей, конечно, при ложномъ пониманіи, завяску скопчества; мы приведемъ здѣсь эти важныя слова: „И взглянулъ я, и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонъ, и съ Нимъ 144 тысячи, у которыхъ имя Его написано на челахъ. И услышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома: и услышалъ голосъ, какъ-бы гуслистовъ, играющихъ на гуслихъ своихъ: они поютъ какъ-бы новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться сей пѣсни, кромя сихъ 144 тысячъ, искупленныхъ отъ земли. Это тѣ, которые не осквернились съ женами, ибо они дѣственники суть; вто тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда-бы онъ ни пошелъ. Они искуплены отъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу, и въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства; они непорочны предъ Престоломъ Божиимъ“.

²⁾ Намекъ на заповѣдь блаженства въ Нагорной проповѣди Спасителя „блаженны чистые сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ“.

сиротъ и питайте видимымъ хлѣбомъ; а паче призрите самого Господа *внутреннимъ болѣніемъ, слезами и воздержаніемъ*...

Такъ писалъ эту, въ своемъ родѣ *Крейцерову Сонату*, также апостоль чистоты и любви; онъ считалъ себя реформаторомъ, но только не обще-моральнымъ, а религіознымъ. Онъ ясно понималъ, что нѣчто *завершаетъ*, что достигъ того, что ранѣе его *не было никѣмъ достигнуто*: «благодать (*т. е. ученіе*) у нихъ чистая, да плоти коварная», говорить онъ о всѣхъ прежнихъ, до него бывшихъ учителяхъ, и еще въ другомъ мѣстѣ—опредѣленіе: «у старыхъ учителей и пророковъ благодать была по поясъ, а я принесъ поѣзную». Такъ этотъ тульскій мужикъ, села Столбова, Писаніе читавшій, но писать не разумѣвшій ¹⁾, понималъ себя. Въ концѣ *Посланія* своего, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго, онъ объективируетъ себя и чрезвычайно ясно характеризуетъ свою историческую роль, *какъ самъ ее понималъ*:

«По сырой землѣ странствуя, ходилъ и чистоту (*осколненіе*) всѣмъ явилъ. На колокольню выходилъ и одною рукой во всѣ колокола звонилъ, а другою избранныхъ своихъ дѣтушекъ манилъ и имъ говорилъ: «Подите, мои вѣрные, избранные, со всѣхъ четырехъ сторонушекъ: идите на звонъ и на жалостный гласъ мой; выходите изъ темнаго лѣса, отъ лютыхъ звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй; бѣгите отъ своихъ отцовъ и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей. *Возьмите только одну душу, плачущія въ тѣль вашихъ!* А почто ты, человекъ, нейдешь на гласъ Сына Божія и не плачешься о грѣхахъ своихъ, Который толико лѣтъ зоветъ тебя отъ утробы матери твоей тѣлесной? И почто не ищешь душъ своей Матери Небесной, которая воспитала-бы душу твою благодатью и довела бы до Жениха Небеснаго? Онъ возводитъ съ земли на небо, гдѣ лежуютъ души вѣрныя и праведныя, Преподобныя и Мученики, Пророки и Пророчицы, Апостолы и Учители, наслаждаясь вѣчною радостью и зрѣніемъ Его красоты». На сей мой жалостный гласъ и колокольный звонъ нѣкоторые *стали отъ вѣчнаго сна пробуждаться и головы изъ гробовъ поднимать и изъ дна моря на верхъ всплывать и изъ лѣсу ко мнѣ выходить*».

V.

Онъ понялъ себя «Искупителемъ»; онъ понялъ, что «глава Змія» вовсе еще не стерта «сѣменемъ Жены», какъ обѣщано было папшему человѣку отъ Бога, что и теперь, какъ всегда, жало грѣха язвить человѣка «въ пяту» и безсильно онъ «поражаетъ его въ голову». Благодать ученія есть, а благодати факта нѣтъ. Онъ принесъ самый фактъ; онъ совершилъ вторую и труднѣйшую поло-

¹⁾ *Посланія*, равно какъ и *Страды*, родъ автобіографія, записаны учениками его со словъ, но буквально.

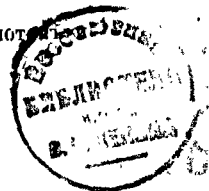
вину искупленія, и также запечатлѣлъ это своею кровью. Слова Спасителя; иносказательно понимаемая Церковью, ему представилось, никогда ею *не были замѣчены*: «Суть скопцы, иже изъ чрева матеря родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася отъ чловѣкъ; и суть скопцы, иже *исказиши сами себе Царствія ради Небеснаго*» (Матѳ. XIX, 12). Но можно отгадывать, что если эти слова послужили для него опорой, если на нихъ онъ утвердился, то *поманили* его не они. Въ сектѣ «пророчествующихъ» заветы и требованія какъ Библии, такъ и Евангелія вовсе не исполнялись твердо, и поэтому основателемъ скопческой ереси не было принято во вниманіе прямое повелѣніе Моисея: «да не входитъ каженникъ и скопецъ въ сонмъ Господень» (*Второз.*, XXIII, 1). Все малящее, все значущее для «Божьихъ людей» заключалось въ пророчествахъ, и вотъ, безъ сомнѣнія, чудный заключительный образъ *Апокалипсиса*, гдѣ, послѣ Суда надъ міромъ, показываются 144 тысячи праведниковъ, «искупленныхъ отъ грѣха, первенцевъ Богу и Агнцу», и поясняется о нихъ, что это — тѣ, которыя «съ женами не осквернились, но сохранили чистоту дѣвства», — этотъ зовущій образъ палъ глубоко и рано въ душу основателя новой секты. Слова этого видѣнія постоянно путаются въ рѣчи его, главнымъ образомъ въ большомъ *Посланіи*, гдѣ онъ изложилъ свое ученіе, и; внѣ сомнѣнія, истинное основаніе, *мотивъ* скопчества — въ немъ. Селивановъ въ точности былъ дѣвственникомъ, не физически, но по самой структурѣ души; изъ всѣхъ идеаловъ христіанства: любви, милосердія, незлобивости — идеаль чистоты физической и неоскверненности воображенія всего глубже поразили его. «Когда меня везли въ Иркутскъ было у меня товару (*т. е. благодатнаго дара, особенной его «чистоты»*) за одной печатью; изъ Иркутска пришелъ въ Россію — вынесъ товару за тремя печатями». Онъ трижды произвелъ надъ собой страшную операцію, всякій разъ чувствуя, что еще слѣдъ мысли и вождѣнія остается, въ немъ. Что-то духовное, почти *личное* есть въ его гнѣвѣ противъ *этой* формы грѣха. Онъ хочетъ «грѣхъ весь изодрать»; «раззоръ на землѣ всю *лѣность*», восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ *Страдъ*. Повидимому, мысль свою онъ считалъ неотразимо обоснованною; онъ не сомнѣвался въ присутствіи своего идеала у всѣхъ людей (онъ присущъ *всѣмъ* вѣтвямъ духоборчества), но видѣлъ, что *всѣмъ* имъ недостаеъ универсальнаго средства, которое вотъ, наконецъ, онъ «открылъ». На это, т. е. на сознаніе могущества своей мысли, есть намеки въ автобіографическихъ *Страдахъ*: онъ передаетъ, не безъ радости чаянія; какъ, послѣ перваго ареста, солдаты, примкнувъ его штыками, говорили: «Его *убить* бы надо, да *указу* нтъ; не подходите близко — это *великій прелестникъ, онъ и Царя обольститъ, недоволено что насъ.*» — Называли меня *волхвою*, какъ и Христа іудей», добавляетъ онъ. Ему, тульскому

темному мужику, собственная мысль — без сомнѣнія плодъ многолѣтнихъ размышленій и чтенія съ «отмѣтинами» всего Писанія — представлялась волшебнo-непобѣдимую, какъ нѣкоторая новая математическая формула. Привезенный изъ Иркутска въ Петербургъ по повелѣнію императора Павла, онъ, какъ только былъ представленъ ему, открылся и предложилъ принять «свое дѣло», за что немедленно былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ. Но «прелестъ» открытія его уже дѣйствовала: «искупленные отъ земли» апокалипсическіе челоѣки употребили всѣ усилія и добились для своего «Бога», для «Батюшки-искупителя» — свободы. То, что мы читаемъ по документамъ, хранящимся въ архивѣ Петербургской Градской Полиціи, въ «дѣлахъ» отъ 1801 по 1820 годъ, превосходить всякое вѣроятіе. Въ эпоху конгрессовъ, Сперанскаго и потомъ Аракчеева, когда не смѣла дрогнуть не такъ, «не по закону», ни одна былинка, — въ Петербургѣ на глазахъ высшаго Правительства образуется общество и дѣятельно распространяетъ ученіе о «Сынѣ Божіи», «Иисусѣ Христѣ», «вторично спешдемъ на землю Искушитель», который есть вотъ этотъ сѣднѣкій столѣтній старичекъ, съ ласковымъ лицомъ и «необыкновенно нѣжнымъ взглядомъ», передъ коимъ поются гимны, молитвы тысячными собраніями въ домѣ Солодовникова. Высшіе сановники: Кочубей, Голицынъ, Толстой, Милорадовичъ ведутъ секретную переписку объ «этомъ Старикѣ», который нигдѣ въ документахъ не названъ по имени; къ нему посылается, «для нѣкотораго переговора», директоръ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, самъ поздне принявшій ученіе секты; еще посылаются чиновники для осмотра дома, гдѣ онъ жилъ; и едва, черезъ 20 лѣтъ, съ величайшими предосторожностями, въ виду все возрастающей численности общества, его виновникъ высылается въ Спасо-Евфиміевскій Суздальскій монастырь, съ секретнымъ наставленіемъ отъ митрополита Петербургскаго Михаила настоятелю монастыря обходиться бережно и внимательно «съ симъ начальникомъ секты, именуемымъ себя и отъ единомышленниковъ своихъ называемомъ Искушителемъ и Спасителемъ» (препровождено къ архимандриту Досноею при отношеніи министра Вн. Д. гр. Кочубея отъ 7-го іюля 1820 г. за № 140).

Одна изъ величайшихъ фантазмагорій нашей исторіи, можетъ быть — даже исторіи всемірной. Мы попытались дать ей психологію. Тутъ не было обмана ¹⁾; былъ чудовищный самообманъ, самообманъ всего духоворчества. Нѣсколько словъ мы скажемъ и считаемъ *нужнымъ* сказать о логикѣ этой иллюзіи ²⁾.

¹⁾ Ни въ *Страдахъ*, ни въ *Посланіи Селиванова* нѣтъ даже намековъ о его царственномъ происхожденіи, и, очевидно, эта легенда возникла вокругъ него, но шла не отъ него. Она и обнаружилась впервые въ *Херсонской губерніи*, когда Селивановъ жилъ въ Петербургѣ.

²⁾ При чтеніи *Изслѣдованія о скопческой ереси* Надеждина, а пот...

VI.

Темная деревня, Селивановъ поднялся на грѣхъ, какъ на медвѣдя съ рогаминою, со всею ея *силою*, но и со всею неосмотрительностью. Онъ забылъ о грѣхѣ *воспоминанія*, о грѣхѣ *представленій*—этомъ истинномъ грѣхѣ, противъ котораго не даль сообразствъ, обрѣзавъ только *исполненіе*. И, далѣе—допустимъ это соображеніе неправильнымъ, допустимъ, что «чистота» его освобождаетъ и духъ,—какая польза побѣдить мертвый грѣхъ? Гдѣ заслуга передъ Богомъ? Нужно восходить, усиливаться, побѣждать *живой* грѣхъ, вотъ *этотъ*, который кусаетъ, жжетъ, манитъ, а не тотъ, который *былъ* и его нѣтъ болѣе. Его «искупленіе» есть какое-то деревянное искупленіе, мертвое, безблагодатное. Богъ не напрасно, давъ благодать наученія, оставилъ въ тѣлѣ ниспаденіе долу: усиливайся, восходи, снискивай Царство Небесное—это тернистый путь, это узкая дверь, на которую Онъ указалъ человѣку. Но оскопленные—какимъ путемъ они идутъ? гдѣ эта суженность *существующихъ* у нихъ желаній? гдѣ терніи отреченія? Ихъ ничто не соблазняетъ—и они также мзло имѣютъ чистоты отреченія, какъ я отрекаясь отъ богатствъ Сіамскаго короля, которыя мнѣ не принадлежатъ. Они по-

самыхъ документовъ, главное *Страдѣ* и *Посланія* Селиванова, впечатлѣніе получается настолько сильное, что въ некоторое время вамъ кажется, что вы читаете исторію какого-то нравственнаго «свято-преставленія», что-то апокалипсическое, чудовищное, неписуемое вовсе въ «гражданскую» и «политическую» исторію человечества, выбрасывающееся изъ рамокъ всего этого. Нѣтъ сомнѣній, бедна мопи и логики, но, главное—бедна *заблудившейся* совѣсти положены въ основаніе сѣты. Чтобы судить о силѣ всего броженія, изъ коего вышла секта, достаточно упомянуть о «другъ-наперсникъ» Селиванова, Ал. Ив. Шилловъ, который «произошелъ всѣ вѣры и былъ перекрещенецъ, и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: *Не истина наша вѣра и постоятъ не за что. О, если-бы нашелъ я истинную вѣру Христову, то бы не пощадилъ своей плоти! Радъ бы головушку свою сложить и отдать бы плоть свою на мелкія части раздробить!* Въ «математическомъ секретѣ» спасенія, какой «открылъ» Селивановъ, онъ, наконецъ, нашелъ то, за что бы «раздробить плоть свою». Характерно его восклицаніе, когда его озарила новая «благая вѣсть»: *«Вотъ кого надо и кого я ждалъ сорокъ лѣтъ—тогда и идетъ. Ты-то (то-есть Селивановъ)—нашъ истинный свѣтъ и просвѣтилъ всю тѣмн., осветилъ всю вселенную, и тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся, и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся—и тебѣ я съ крестомъ поклонюсь! Кто какъ хочетъ, а я тебя почитаю за Сына Божьяго».* Всѣ мысли объ обманѣ Селиванова должны быть безусловно оставлены; за исключеніемъ того, что онъ былъ еретикъ и невѣжда, онъ былъ безусловно праведный, то-есть, *еслибы не заблудился—святой* человѣкъ. И то, что безграмотный мужицкій мальчишенокъ, съ изумительнымъ и истиннымъ идеаломъ въ душѣ, не былъ взятъ своевременно въ семинарію и потомъ въ академію,—это несчастіе породило самую чудовищную на землѣ секту и лишило Православіе не только великаго подвижника святости, но, можетъ-быть, и могущественнѣйшаго изъ *словесныхъ* учителей. Ибо его *Посланіе*, за исключеніемъ одного пункта помѣшательства его чудовищнаго «взобрѣтенія», есть въ точности посланіе святаго человѣка, есть религіозный феноменъ.

клоняются, съ крестнымъ знаменіемъ, «образу Божію» другъ въ другъ: но зачѣмъ они *исказили* Его? Ихъ преступленіе противъ Бога страшнѣе, чѣмъ противъ человѣчества: ибо Богъ *далъ*, и Онъ же можетъ Единный отнять даже само-малѣйшую черту изъ своего «подобія». Своимъ произволеніемъ они сняли искусъ съ себя; они выкинули испытаніе прижизненное—для чего живутъ они?

Но, ясно видя логику фантома, мы должны проникать въ его особую психику. Совершенно ложно все, что пишетъ Надеждинъ (*Измѣдованіе о скопческой ереси*, печатано въ 1845 г. по распоряженію министра Вн. Д., у Кельсіева т. III) и что обычно предподлагается о «скорбномъ» чувствѣ членовъ этой секты, о мучительныхъ сожалѣніяхъ, о духѣ пропаганды ¹⁾, вытекающемъ изъ «чувства ихъ преступности»; грубо ошибочны также всѣ аналогіи ихъ съ *подъ-невольными* евнухами Востока. Они принимаютъ оскотленіе своею волей. Послѣ торжественнаго пѣнія «всѣмъ соборомъ» тропаря Пятидесятницы, нашего тропаря: *Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудрыя ловцы являй, и тѣмъ уловляй вселенную*, — поступающій вновь «братъ» произноситъ, держа въ рукахъ икону стараго письма, слѣдующія слова: «пришелъ я къ Тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія, не по неволѣ, но по своему желанію, и обещаюсь про дѣло сіе святое никому не сказывать, ни царю, ни князю, ни отцу, ни матери, и готовъ принять гоненіе и мученіе, только не повѣдать врагамъ тайны». Многочисленные, чисто *народные*, слѣдовательно безъ всякой придуманности, скопческіе стихи—всѣ въ грубо-мажорномъ тонѣ: восторгъ, побѣда—*легкая* побѣда, скажемъ мы,—слышится во всѣхъ нихъ. Они теперь, послѣ забытыхъ мученій минутной операціи,—

Чистые, непорочные,
Грѣхомъ тяжкимъ недоточные (*недоступные*),—

вознесенные надъ нашимъ уязвляемымъ міромъ. надъ грѣхомъ и проклятіемъ, въ своемъ родѣ—*по-ту-сторонніе* люди. «Твой конь *бѣлъ и смиренъ*» (т. е. плоть очищена и укрощена), не безъ зависти сказала Селиванову, въ темную пору его скитаній, хлыстовская «пророчица», первая объявившая его, въ опыненіи удивленія, «богомъ надъ богами, царемъ надъ царями, пророкомъ надъ пророками» (*Кельсіевъ*, т. III, приложения). Такъ всѣ они чувствуютъ. Струя восторга слышится во всѣхъ ихъ писаніяхъ: «Христосъ Воскресъ, Христосъ Воскресъ, Христосъ Воскресъ», такъ начинаются всѣ *Посланія, Страды*, даже частныя ихъ письма. Любимыя пѣсно-

¹⁾ Пропаганда вмѣстѣ достаточное объясненіе въ числѣ 144 тысячъ «искупленныхъ отъ земли» по Апокалипсису, восполнить которое усиливается скопцы, и тогда ожидаютъ обѣщаннаго конца міра. Поэтому, по ихъ вѣрованію, оскотившій 12 человѣкъ, каковъ-бы ни былъ въ другихъ грѣхахъ, уже заслужилъ Царство Небесное. См. у *Кельсіева*.

пѣнія—Пасхальныя; ничего — заунывнаго; полное господство идеи побѣды надъ грѣхомъ. Страшенъ только порогъ переступанія въ эту *по-ту-стороннюю* жизнь, только актъ рѣшенія. Вполнѣ трогательны и проникновенны слова «прощающагося» съ міромъ «новика», передъ тѣмъ какъ переступить этотъ порогъ: «Прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна, простите звѣзды, простите озера, рѣки и горы, простите всѣ стихіи небесныя и земныя» (*Кельсиевъ*, III, 139). Онъ знаетъ, что еще такимъ-же, *прежнимъ* взглядомъ, онъ уже не взглянетъ на эти стихіи, что перемѣнится онъ и перемѣнятся для него *онъ*. Но вотъ, актъ совершенъ: *тотъ* міръ остался позади, и въ новомъ мірѣ, на «радѣніи», раздаются такія истинно вакхическія пѣсни:

Ужъ какъ царь Давидъ по садуку (*то-есть братству ихъ*) гулялъ,
 Я люблю, я люблю!
 Онъ по садуку гулялъ, во свои гусли игралъ,
 Я люблю, я люблю!
 Звонко въ гусли игралъ, царски пѣсни распѣвалъ,
 Я люблю, я люблю!
 Полно други спать, есть время возстать,
 Я люблю, я люблю!
 Еще есть время возстать, ключевой воды достать,
 Я люблю, я люблю!
 Я еще люблю Саваоа въ Небеси,
 Я люблю, я люблю!
 Я за то Его люблю: небо, землю сотворилъ,
 Я люблю, я люблю!
 Небо, землю сотворилъ, солнце, мѣсяцъ утвердилъ,
 Я люблю, я люблю!
 Соляце, мѣсяцъ утвердилъ, небо звѣздами украсилъ,
 Я люблю, я люблю!
 Небо звѣздами украсилъ, своимъ гласомъ прогласилъ,
 Я люблю, я люблю! (*Кельсиевъ*, т. III, прилож., стр. 74).

Или еще слѣдующая, несомнѣнно поющая въ моментъ самого верченія, судя по ея смыслу и тону:

Ай, кто пиво варилъ,
 Ай, кто втиралъ?
 Варилъ пивушко Самъ Богъ,
 Затиралъ Святой Духъ.
 Сама Матушка сливала,
 Вкупѣ съ Богомъ пребывала;
 Святые Ангелы носили,
 Херувимы разносили,
 Херувимы разносили,
 Серафимы подносили.
 — Скажи жъ, Батюшка родной,
 Скажи, Гость дорогой!
 Отчего пиво не пьяно?
 А ли я гостямъ не рада?
 Рада, Батюшка родной,
 Рада, Гость дорогой,

На святомъ кругу гулять,
 Въ золоту трубу трубить,
 Въ золоту трубу трубить,
 Въ живогласну возносить!
 Богу слава и держава
 Во вѣки, аминь. (*Тамъ же*).

VII.

«За всѣмъ тѣмъ, при внезапномъ посѣщеніи домовъ, которые вовсе не считаются раскольничьими, замѣчены были очевидные признаки раскола, какъ-то: *лѣстовки* съ треугольниками, то-есть особаго рода четки; *подручники*, родъ подушечекъ, подкладываемыхъ при земныхъ поклонахъ подъ руки; *кадильницы*, мѣдныя и глиняныя, употребляемая при домашнемъ молитвословіи; прибитые надъ воротами и разставленные въ избахъ на полкахъ *кресты осьмиконечные*, отъ 3 вершковъ до $\frac{1}{2}$ аршина и болѣе длиной, почти всѣ безъ титла *і. н. ц. і.*, съ замѣняющею ее подписью *іс ѱс снъ бжій*, съ нерукотворнымъ вверху образомъ Спасителя вмѣсто изображенія Господа Саваоа, съ солнцемъ и луной на краяхъ большого поперечника; старинныя *иконы*; разныя *Апокалипсическія изображенія*, въ томъ числѣ пораженіе Антихриста на конѣ, въ воинской одеждѣ и каскѣ; надписи надъ дверьми съ изреченіями св. Отцовъ; непрерывное повтореніе хозяевами при входѣ чиновника молитвы: *Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ*,— частое повтореніе которой раскольники считаютъ достаточнымъ для спасенія и защиты себя отъ нечистой силы; чтеніе молитвъ по скитскому уставу, съ лѣстовкой въ рукѣ, и прочее т. п.» (*Кельсиевъ*, IV, 3—4).

Такъ писалъ, въ докладной *Запискѣ* своей министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1852 г., нѣкоторый «ст. сов. Синицынъ». И вотъ намъ почему-то думается, что, сопоставивъ ту буйную религиозно-вакхическую пѣсню съ отрывкомъ изъ этой официальной записки, мы поймемъ многое. Тамъ—оскопленіе тѣлесное ради духа, здѣсь—скопчество духа ради покоя тѣлеснаго; забывъ уже Церковь—тамъ уносятся въ буйное круженіе, здѣсь не рожденные въ Церковь—прикидывая аршинъ, вымѣряютъ кресты и «официально» записываютъ изображенія на его «поперечникѣ». Два полюса, двѣ несоизмѣримыя величины, двѣ не ощущающія другъ друга категории—вотъ нашъ *расколъ* и *мы*, ему противостоящіе.

Еще двѣ-три выписки изъ официальныхъ документовъ, и все станетъ въ этомъ расколѣ до чрезвычайности ясно:

«Съ полученною отъ настоятеля запиской, бѣглый перекрещенецъ, гдѣ-бы ни проходилъ по безпоповщинскимъ селеніямъ, *осюду снабжается пріютомъ и продовольстіемъ*» (*Кельсиевъ*, II, стр. 113; изъ «Краткаго обзорѣнія расколовъ, ересей и сектъ» *Липранди*).

Итакъ, вотъ — христіанское братство, взаимопомощь; у насъ — homo homini lupus est. Взглянемъ на *бытъ*, какъ продуктъ этого нравственнаго строя:

«Природные Буковинскіе старовѣры (*липованы*)» вообще отличаются трудолюбіемъ, трезвостью и тихими, миролюбивыми нравами. Ихъ почти не слышно въ краѣ, хотя они всюду попадаются на глаза, рѣзко отличаясь отъ туземцевъ своею русскою фізіономіей и русскимъ нарядомъ. Мнѣ довелось видѣть огромное сборище ихъ въ Сучавѣ, по случаю праздника Іоанна Сучавскаго, совершаемаго 24 іюня. Тутъ было ихъ до нѣсколькихъ сотъ обоего пола, и между тѣмъ я не замѣтилъ между ними ни пьянства, ни буйства, не слышалъ даже шумныхъ, разгульныхъ пѣсней, обыкновенно сопровождающихъ праздничныя собранія русскаго простолюду. Туземнаго хозяева чрезвычайно дорожатъ ими, какъ работниками; а правительство не можетъ нахвалиться ихъ смиреннымъ, спокойнымъ поведеніемъ. Со времени утвержденія владычества Австрійскаго не было примѣра уголовныхъ преступленій и даже видимыхъ полицейскихъ безпорядковъ, въ которыхъ бы замѣшаны были липованы» (*Кельсиевъ*, I, стр. 94; Записка Надеждина: «*О заграничныхъ раскольникахъ*»).

Расколъ есть восхожденіе къ идеалу, усиліе къ лучшему въ томъ самомъ типѣ бытія и развитія, въ которомъ находимся мы на очень низкой ступени:

«Не въ щепоти состоитъ дѣло, учать послѣдователи Ефимія, основателя секты бѣгуновъ; печать Антихриста, сіяющая на слугахъ антихристовыхъ, не значить щепоть или крыжъ—но *житіе*, согласное съ мыслью Антихриста, но *подчиненіе* ему, какъ Христу, но *исполненіе* во имя Христа—законовъ въ духѣ Антихриста, презрѣніе къ вѣрѣ при всемъ наружномъ къ ней уваженіи, порабощеніе Церкви, измѣна древнимъ обычаемъ» (*Кельсиевъ*, IV, стр. 327; записка гр. Стенбока: «*Краткій взглядъ на причины быстрого распространенія раскола*»).

И, какъ общее этого слѣдствія, — вотъ взглядъ на расколъ православной народнои среды:

«Распространено и утверждено въ простомъ народѣ повсемѣстно сильное предубѣжденіе, что раскольничья вѣра — святая, настоящая христіанская, что въ одной только этой вѣрѣ и можно спастись, и что вѣра Православная или, по народному названію, «*вѣра по церкви*», есть вѣра мірская, въ которой невозможно спастись среди трудовъ и суесть житейскихъ. При входѣ въ крестьянскія избы, я часто былъ встрѣчаемъ словами: «*мы не христіане*». На вопросъ: «*что же вы, нехристи?*» Отвѣчали: «*какъ же, мы во Христа вѣруемъ, но мы по Церкви, люди мірскіе, суетные*». — «*Такъ отчего же вы не христіане, если вѣруете во Христа?*». — «*Христіане тѣ, что по старой вѣрѣ; они молятся*

не по нашему, а намъ некогда» (Кельсіевъ, IV, стр. 45—46; изъ Записки ст. сов. Синицина ¹⁾.

Итакъ, вотъ поддающаяся передъ расколомъ среда: она поддается съ сознаниемъ, что она — не идеаль; уступаетъ какъ низшая ступень того же развитія передъ высшей; склоняетъ передъ расколомъ голову, какъ обычный церковный приходъ передъ строго-установленнымъ монастыремъ.

Есть затрудненія историческія, неразрѣшимыя ни для какихъ усилій искусства и ума, но разрѣшающіяся простымъ *честнымъ* взглядомъ на дѣло. Таковы были, въ началѣ XVI вѣка, затрудненія съ зарождающеюся реформаціей; въ концѣ XVIII вѣка — съ готовящеюся революціей; вообще всѣ явленія совѣсти или гдѣ *завита* совѣсть.

Актъ *устрованія*, субъективный актъ — доступенъ только субъективному же внутреннему акту и, такъ сказать, не реагируетъ, не соотносится по несоизмѣримости ни съ какимъ внѣшнимъ актомъ, наружнымъ воздѣйствіемъ, на которое *не умѣетъ* отвѣтить иначе, какъ отрицательно, замыкаясь въ себя, противодѣйствуя, внутренне обособляясь, усиливаясь. Вотъ, пока, исторія нашихъ отношеній къ раскоду, исторія нашихъ воздѣйствій на расколъ. Она вся вытекла изъ внѣшняго пониманія его, какъ нѣкотораго чуждаго заблужденія не только безспорнаго, ненужнаго, основаннаго на упрямствѣ, но и какъ заблужденія чуждыхъ людей, нѣкоторыхъ политическихъ и религіозныхъ «гоевъ», «варваровъ», «еретиковъ».

Нужно подойти къ нему внутренне, субъективно, — это я называлъ *честнымъ* отношеніемъ къ дѣлу. Нужно понять въ немъ честное увѣрованіе, къ которому иначе, какъ съ честною же вѣрой, и подойти нельзя. Нужно признать его не внѣшнимъ для себя фактомъ, который предстоитъ побѣдить, а *своимъ* собственнымъ состояніемъ, состояніемъ *своей* Церкви, *своего* быта, *своего* государства, которые выбросили изъ себя такія двѣ вѣтви какъ старовѣрчество — съ одной стороны, духоборство — съ другой. Не излѣчить *ихъ* нужно (мѣры правительства); тѣмъ менѣе — отсѣчь

¹⁾ Въ общемъ, при недостаткахъ внѣшняго отношенія къ религіи, оффиціальныя записки, перепечатанныя въ Лондонѣ Кельсіевымъ, составили бы, если бы были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, великую честь для министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Никогда нельзя было предполагать, чтобы нашъ чиновный міръ былъ такъ дѣловитъ, серьезенъ и даже граждански мужественъ: факты, имъ собранные — громадны; онъ дѣйствительно *изучилъ* дѣло и не скрывалъ отъ себя его трудности и даже неразрѣшимости; вовсе не скрываетъ даже продажности всѣхъ почти агентовъ своихъ. Все, въ чемъ мы готовы бы обвинить его — онъ знаетъ лучше насъ и также боится объ этомъ, раздражается на это. Но *творчества*—нѣтъ; великаго *порыва* духа—не ищите. Все *знаетъ*, но ничего не *можетъ* сдѣлать.

(требованіе раскола о религіозной свободѣ на правахъ *иновѣрцевъ*); но исцѣлѣть въ собственномъ организмѣ своемъ. И тогда эти вѣтви вберутся назадъ сами; ихъ силы возвратятся въ материнское лоно.

Мы указали раньше, что знаменуетъ собою старовѣріе: необходимость намъ самимъ податься въ сторону древняго *типикона*¹⁾ праведнаго житія, въ сторону *уставности, преданія*, благоговѣйно понять букву. Пересмотръ клятвъ собора 1667 г., которыя соборомъ же не сняты и потому лежатъ и на нашемъ единовѣрїи, открывшемъ сверхъ сего какую то странную *дву-церковность* вопреки Символу вѣры, повелѣвающему вѣровать въ «*Единую Соборную и Апостольскую Церковь*», — этотъ соборный пересмотръ и вѣроятное снятіе клятвъ внѣ всякаго сомнѣнія воссоединить съ нами девять милліоновъ (въ 1853 году) поповщины и безпоповщины.

Теперь относительно духоборчества, какъ явленія болѣе психическаго, нежели собственно церковнаго. И здѣсь есть исцѣленіе. Духоборчество есть симптомъ, показующій и отрицающій великую *пассивность* всѣхъ нашихъ духовныхъ состояній — пассивность, достигшую высокой степени уже къ концу Московскаго періода нашей исторїи, но съ тѣхъ поръ все увеличивающуюся. Не выносить этого душа человѣческая. Мы начали очеркъ развитія этой вѣтви раскола съ противоположенія *видимостей* нашего историческаго и государственнаго бытія потаеннымъ его явленіямъ, и закончили извлеченіемъ изъ оффиціальной бумаги, гдѣ нѣкоторый внѣшній человѣкъ внѣшнимъ взглядомъ разсматриваетъ, считаетъ, мѣряетъ «признаки» внутренняго акта вѣры, какъ бы не замѣчая и не понимая этого акта, во всякомъ случаѣ отвергая его. Невыносимо это для души человѣческой, и тогда она начинаетъ «вертѣться» — «по-солонь» или даже противъ солнца; невыносимо, говоримъ мы, потому что природа души человѣческой есть *жизнь, акція, инициатива*, потому что душа есть Божія тайна, и именно тайна — *творческая*. Между тѣмъ, у насъ все творчество, всякая инициатива, акція взята формами — увы, оскопившимися духа формами! Что оставлено бѣдному русскому человѣку, что оставлялось ему эти послѣдніе два вѣка? — шесть дней потрудись и на седьмой сходи къ обѣднѣ, вечеромъ напьешься чаю. Этого мало, по-истинѣ этого мало. Мы, композиторы, художники, писатели, насъ 1500 —

¹⁾ Отъ коего, безъ всякой нужды, мы все далѣе и далѣе отступаемъ. Напримеръ, такія явленія непониманія, какъ освѣщеніе православныхъ храмовъ *мертвыми* электрическимъ свѣтомъ, конечно могутъ только усилить расколъ. Свѣча, которую я ставлю передъ образомъ и молюсь о моемъ грѣхѣ; храмъ, который освѣщается ярче или тусклѣе въ мѣру усердія къ нему прихожанъ, т. е. какъ-бы свѣтится ихъ *любовью* къ Богу — развѣ это *возмѣщается* электричествомъ? Но оно имъ *вымѣщается*.

2000 человекъ — не должны забывать о миллионахъ: мы можемъ фантазировать, буйствовать, «вертѣться» съ перомъ или кистью въ рукѣ—но остальные? Имъ также нужно въ чемъ нибудь, какъ нибудь «вывертѣть» свой духъ. Мы говоримъ съ ироніей, мы употребляемъ смѣшныя слова, мы не избѣгаемъ этого, чтобы быть неотразимо понятными въ серьезной мысли: дайте *сотворить* человеку, иначе онъ умретъ или «завертится». Но чтобы онъ не вертѣлся, чтобы онъ не уродствовалъ, — откройте ему для творчества благородныя формы. Мы знаемъ, государство руководится исключительно утилитарными понятіями, никто не замѣчаетъ необходимости великихъ этическихъ и эстетическихъ идей; но если безъ этихъ этическихъ и эстетическихъ идей въ цѣломъ жизнь умираетъ или уродуется, не есть ли онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и утилитарныя идеи? Итакъ, господствующая идея *удобства* въ трудѣ—это господствующее и даже единственное понятіе артели плотниковъ, кладущихъ «аккуратно» историческій срубъ, — должна поддаться передъ идеей художественною и нравственною. Мы говоримъ о художественной и нравственной идеѣ въ приложеніи къ государству, быту, вѣрѣ. Боже, кто же усомнится, что «ст. сов. Синицынъ», вымѣряющій, въ силу инструкции за № 262, въ раскольничьей моленной кресты, не есть въ государственной храминѣ продуктъ художественной идеи? Мы взяли подробность, и изъ биліоновъ такихъ подробностей состоитъ наша жизнь, наша исторія. Итакъ, если къ исторіи примѣнимы биологическіе термины, мы скажемъ, что въ самое существо той «красной глины»—той физической массы, которую образуетъ тѣло народное, у насъ не былъ вдунуть духъ никакимъ истиннымъ художникомъ: что, такъ-сказать, новая Россія зачата и рождена безъ всякаго истинно-творческаго, художественнаго или этическаго порыва.

Мы заговорили о такой глубокой и общей сторонѣ нашей исторіи, потому что лишь въ *ея свитѣ* становятся понятны и «мелочи». Нельзя не замѣтить, что изъ всего Петромъ Великимъ созданнаго живуча и прекрасна, дѣятельна и народна вышла собственно только армія: въ нее имъ вдохнутый духъ не умеръ въ двухъ вѣкахъ. На *главный* мотивъ реформы Россіи—мотивъ *самосохраненіе* эта реформа и отвѣтила твердымъ, умѣлымъ *да*. Все остальное, въ его реформѣ, уже не творилось съ тѣмъ же сознаниемъ нужды, съ тою же живостью, надеждами, страхомъ, *поэзіей* личныхъ усилій и ожиданій народныхъ, — не ковалось въ трудахъ и несчастіяхъ Великой сѣверной войны. И все остальное — большею частью плодъ подражательности — вало, не имѣетъ цѣны, не имѣетъ завитого въ себѣ *живого акта*. Петръ не настаивалъ даже на остальномъ: остальное—не главное въ его дѣлѣ, и оно подвергалось, тотчасъ по его смерти, безчисленнымъ передѣлкамъ, въ которыхъ народъ не принималъ никакого участія. Исторія едва

знаетъ имена «передѣлывателей»; однако, одно имя даже въ народѣ, кажется, не безызвѣстно. Остановимся на немъ: это— Сперанскій. Вотъ не инициаторъ, но скорѣе довершитель, а также и образецъ для безчисленныхъ позднѣйшихъ «творцовъ», которые всё равно трудились надъ организаціей внѣшнихъ формъ нашего бытія, тѣхъ *видимостей*, которыя невольно вырисовываются въ умѣ, когда задумываешься надъ духоборчествомъ. Не онъ одинъ, но онъ во главѣ міріады аналогичныхъ лицъ, почти вовсе неизвѣстныхъ или полужизвѣстныхъ, и которыя по самому существу своему никогда не могли стать *славными, любимыми, народными*, которые никогда не были людьми военнаго поля, народной *народной*, но только всегда мужами «чернильницы» и «отношенія», — онъ и всё эти люди какъ бы произвели нѣкоторый скопческій актъ надъ Россіей. Съ тѣхъ поръ, или, точнѣе, подъ влияніемъ новаго *ихъ метода*, жизнь скрылась изъ Россіи. Гдѣ она? Какъ именно Россія существуетъ? Чтѣ ей грозитъ? Чему она радуется? Мы узнаемъ это только изъ бюллетеней, — и о религіозномъ, напримѣръ, бытіи Россіи не только мы ничего не знаемъ изъ фактовъ, въ которыхъ бы *соучаствовали*, но и самые документы объ этомъ бытіи можно выписать только изъ Лондона. Формы замкнулись отъ Россіи, затаились въ своей дѣятельности отъ ея глаза: онъ ей не довѣряютъ, ея не любятъ, — и онъ изсякли въ духѣ. Россія изуродовалась, «завертѣлась», не имѣя достойныхъ формъ для своего духа.

Мы снова возвращаемся къ духоборчеству, отъ котораго, по видимому, такъ далеко отошли. То «опьяненіе», то «духовное пиво», которое «человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ» (см. *выше*), — это и есть ирраціональная этическая и эстетическая идея. Нужно нѣкоторое сладкое опьяненіе человѣку; Нои былъ праотецъ, но разъ и онъ былъ пьянъ, и четыре тысячелѣтія людскихъ поколѣній не видятъ въ этомъ грѣха. Только Хамъ осудилъ его, но онъ былъ Хамъ. Благословенно духовное «пиво»; благословененъ трудъ, забота, бережливость — но болѣе благословененъ тотъ неясный, безотчетный восторгъ, ради котораго человѣкъ говоритъ: «живу и *хочу* еще жить». Здѣсь, именно въ эстетической и этической идеѣ — сѣмена жизни; и какъ всю жизнь мы считаемъ Божіей — идеи, указанныя нами, какъ наиболѣе жизнетворяющія, мы въ правѣ назвать любимыми Божіими идеями. Тутъ — *sanctum sanctum* исторіи, — то чего касаться человѣку не слѣдуетъ и только беречь, лелѣять; прислушиваться къ сердцу своему — есть ли въ немъ эти идеи. И, пока есть онъ — обильно напоить ими жизнь.

Вотъ мысли, которыя, если-бы онъ были изложены передъ Сперанскимъ, остались-бы въ высшей степени непонятны ему. Мы снова возвращаемся къ этому человѣку удивительныхъ талантовъ,

удивительной судьбы, но совершенно не опредѣленнаго нашими историками значенія. Характерно самое происхожденіе его — изъ духовенства и семинаріи, т. е. изъ сословія и школы, которыя, давъ длинную вереницу методистовъ-тружениковъ, не дали Россіи ни одного поэта, ни одного музыканта, ни одного живописца. Не столько въ составѣ своихъ убѣжденій, сколько въ свойствахъ своего темперамента, Сперанскій лишень былъ совершенно этической и эстетической идеи, и, вмѣстѣ, въ самомъ характерѣ, онъ лишень былъ той глубины и непоколебимости, какой мы удивляемся, напр., въ митрополитѣ Филаретѣ. Все существо его было въ высшей степени риторическое—не даромъ единственный его литературный трудъ есть книжка «О правилахъ высшаго краснорѣчія» (изд. въ Спб. въ 1846 г.); складъ ума трезво логическій, исключительно формальный; тусклое воображеніе; погасшія или, вѣрнѣе, не заложенныя въ натурѣ страсти; характерно, что онъ былъ женатъ не на русской, а на нѣмкѣ—сочетаніе брачующихся, рѣдкое въ Россіи. При всѣхъ этихъ личныхъ данныхъ, онъ всего менѣе могъ стать Цезаремъ или Перикломъ нашего государственнаго строя. Совершенно напротивъ, осыпьте всѣми внѣшними дарами, всѣмъ внѣшнимъ величіемъ, блескомъ и знаменитостью, наконецъ — дружбой монарха, но оставьте въ тайнѣ души, гдѣ-то глубоко запрятаннымъ, бѣдное, робкое сердце Акакія Акакіевича и узкую, скудную мысль Молчалина—и вы будете имѣть историческаго Сперанскаго. Все это отразилось на его трудѣ. Онъ создалъ для внутренняго употребленія Россіи какую-то политическую «хрю», повидимому неопровержимую, но въ высшей степени бесполезную, а главное—погашающую всякій порывъ и творчество, погашающую тѣмъ вѣрнѣе, что это творчество, видя передъ собой эту удобную форму, невольно входитъ въ нее и неизмѣнно въ ней погибаетъ. Съ его времени, по преимуществу, Россія обставилась департаментами и канцеляріями—не какъ необходимою записною книжкой, куда живой дѣятель вноситъ свои предположенія, рѣшенія, расчеты, но именно какъ самимъ дѣтелемъ, рѣшителемъ, творцомъ. Съ тѣхъ поръ фабрики не успеваютъ приготовить чернила и бумагу; мы улучшаемъ перомъ земледѣліе, перомъ создаемъ промыслы, вводимъ въ отечество «расцвѣтъ образованности», на дѣлѣ не имѣя ничего этого, и всему, что въ этой сферѣ готово-бы само начаться, чрезвычайно мѣшая; мы теоретизируемъ, планируемъ,—такъ же легко, и, повидимому, правильно, какъ 16-лѣтній семинаристъ, когда онъ сидитъ надъ темой о свойствахъ бытія Божія. Россія закрылась канцелярскими формами и стала въ нихъ непроницаема для истины, неуязвима для сужденія, беспомощна въ работѣ, изящна и сокрушена, какъ Парисъ, вздумавшій однажды надѣтъ доспѣхи Гектора. Яснѣе станетъ значеніе Сперанскаго, если мы рядомъ съ нимъ поставимъ людей, къ которымъ невольно какъ-то привязы-

вается любовь *народная* и историческая *слава*. Около его разсудительной фигуры и слыша его убѣдительную рѣчь, Суворовъ былъ-бы смѣшенъ, Орловъ стыдливо спряталъ-бы свои кулаки, Потемкинъ — свой «греческій проектъ», на который онъ *любовался*, и, можетъ быть, сама Екатерина растерянно потупилась-бы. Но вотъ они *сдѣлали* исторію, а онъ только говорилъ и писалъ, и научилъ насъ только говорить и писать. Они неправильные, ирраціональные; они то смѣшные, то буйные, всегда страстные, — знали тайну духовнаго «пива». Они были немножко поэтически опьянены и отъ богатствъ духа своего напоили окружающую жизнь. Все было поэтично около нихъ, трудно и героично; люди умирали за нихъ и благословляли ихъ, отвѣдавъ «пива». И имъ самимъ, опьяняющимъ сердца человѣческія тою струйкой восторга, которая вылась изъ нихъ, — все было легко, исполнимо. «Удача, опять удача, тысяча удачъ — да дайте-же сколько-нибудь и уму», говорилъ Суворовъ обиженно, но люди справедливо не давали ничего уму и все — *удачъ*: удача — богъ исторіи, богъ совершонныхъ, исполненныхъ дѣлъ, въ противоположность бездарному уроду — *неудачъ*, этому бѣсу, преслѣдующему всѣхъ ограниченныхъ «умниковъ». Мы снова возвращаемся къ расколу, и да проститъ читатель намъ эти перипетіи мысли, вызываемыя самимъ предметомъ. Есть едва замѣтное, только упомянутое, но любопытнѣйшее извѣстіе (оффиціальное) у *Кельсева* (I, 183 стр.), что раскольники начали было тысячами ¹⁾ переходить въ единовѣріе, когда мысль его была провозглашена *Потемкинымъ*, и этотъ переходъ остановился тотчасъ, какъ только, съ начала XIX вѣка, для него даны были «правила». Дѣло имѣло успѣхъ, пока было процессомъ, и умерло, какъ только стало формой. Не было болѣе жизни въ немъ, надежды, чаянія; за нимъ не стоялъ человѣкъ, который могъ-бы *понять*, *снизойти*, *простить*, *уговорать*, но — «правило», которое ничего

¹⁾ Это такъ замѣчательно, что мы приведемъ буквально: «По ходатайству Потемкина-Таврическаго въ 1782 г. дозволено было, въ Новороссійскомъ краѣ, раскольникамъ свободное богослуженіе и разрѣшено имъ имѣть своихъ поповъ. Это было *началомъ единовѣрія*, правила котораго были утверждены въ 1800 году. Успѣхи единовѣрія не были значительны, и замѣчательно, что до 1800 года присоединеніе къ единовѣрью, *еще не организованному*, было несравненно снѣжѣе, чѣмъ впоследствии. Такъ, въ самомъ гнѣздѣ и рассадницѣ *поповщины* — въ Нижегородской губ., тысячи человѣкъ приступали къ единовѣрью; въ Черниговской губ., другомъ центрѣ раскола, — тоже; но послѣ утверженія въ 1800 году правилъ митрополита Платона, положившихъ *твердое основаніе этой церкви*, оно такихъ *успѣховъ не имѣло*» (изъ *Записки о Русскомъ расколѣ, составленной для В. К. Константина Николаевича — Мельниковымъ*). Между прочимъ: «строго воспрещалось записываться въ единовѣріе тѣмъ, которые, будучи раскольниками, пишутся православными въ книгахъ, ведущихся священниками, а также и тѣмъ, которые по бумагамъ значатся православными: такихъ теперь около $\frac{1}{10}$ всей массы раскольниковъ.» (Тамъ же).

болѣе не понимало. Живой актъ вѣры (у раскольниковъ) встрѣтило живое сердце (у насъ)—и великое сліяніе началось, принципъ единства былъ найденъ. Но пришелъ «умъ» и схитрилъ: онъ далъ раскольниковъ поповъ и не далъ архіерея — дѣло было для ума не въ вѣрѣ, а въ подчиненіи, онъ сказалъ: это церковь, совершенно церковь, какъ и наша, и шепнулъ *своимъ*, чтобы они не ходили туда и тамъ не причащались св. таинъ. Трусипка «умъ» испугался, что всѣ православные тотчасъ перейдутъ въ едино-вѣріе, — или нѣтъ, онъ испугался не этого, а того, что произойдетъ какая-то путаница въ «вѣдомостяхъ» православныхъ, едино-вѣрцевъ и раскольниковъ. И вдругъ раскольниковъ стало ясно, что все дѣло именно въ этихъ «вѣдомостяхъ» — не въ сердцѣ и его вѣрѣ, до которыхъ дѣла нѣтъ, а именно въ порядкѣ документовъ, въ красотѣ отчета, въ порядкѣ видимости, до которой, въ свою очередь, имъ не было дѣла, — и они отхлынули назадъ, а мальчишка «умъ», этотъ глухой уродъ, кричитъ съ тѣхъ поръ, кричитъ вотъ уже 96 лѣтъ: неудача, неудача, рѣшительная неудача! — «не вижу никакихъ мѣръ, которыя могли-бы принести существенную пользу.» (гр. Стенбокъ: «Взглядъ на причины быстрого распространенія раскола», у Кельсіева, т. IV, стр. 342).

Нѣтъ, осталась еще мѣра: *исполнить слова Псалма «сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!»...*

Мы говоримъ, однако, не объ *единовѣрїи*, этомъ неоригинальномъ подражаніи изобрѣтенію Антонія Поссевина, а объ «*Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви*» символа; мы говоримъ не о компромиссѣ, а о *слияніи* на основѣ «чистаго сердца». Не слѣдуетъ, однако, уже теперь забывать, что, воссоединивъ съ собою расколъ, нужно его удержать, нужно предупредить расколы и отпаденія обратныя. Нужно помнить объ оригинальномъ и огромномъ движеніи, которое испытала русская душа въ расколѣ, объ этой безднѣ инициативы, акція, суровой борьбы и поэзіи. Нельзя ожидать, чтобы послѣ двухъ вѣковъ подобной жизни, она возвратилась къ той пассивности всѣхъ отношеній, которую и мы, послѣ двухъ вѣковъ привыканія, едва имѣемъ силы переносить. Все то дѣятельное и живое, что есть въ расколѣ, то «духовное пиво», которыми онъ безформенно напоялъ до сихъ поръ христіанскую душу, — это должно быть бережно сохранено, должно быть взято нами, какъ сторона истинная въ немъ, и *разлито по всемъ формамъ нашего бытія*. Если вспомнимъ сказанное ранѣе о приближеніи къ древнему *типикону* житія, какъ средствѣ умиротворить «буквенниковъ», — мы поймемъ въ цѣломъ реформу, намъ предстоящую: *ожить древнимъ духомъ* — тѣмъ прекраснымъ духомъ, прототипъ котораго дала намъ еще Кіевская Русь. Возможно сдѣлать это при сохраненіи всей той крѣпости силъ, какую сумѣла создать Москва, и не отказываясь нисколько отъ правильныхъ

сторонъ просвѣщенія, которое любить завѣщаль великій Петръ. Все это можно соединить; все — слить въ новую гармонию, черезъ живой актъ души. Къ такому живому акту мы нудимся задачей раскола.

Вотъ почему мы вѣримъ — язва его «не въ смерть, но во исцѣленіе»; мы вѣримъ — Богъ не оставитъ Россію, и великій художникъ ей будетъ данъ.
